

3 Царств

Урок 3, продолжение главы 1.

Поскольку мы продолжаем изучать 1-ю главу 3-й книги Царств, давайте сделаем небольшой её обзор. Давид довольно стар, его физическое здоровье пошатнулось, а духовное здоровье почти в таком же состоянии. Он неохотно назначал преемника на трон, и этот факт вызвал беспокойство во всём его царстве и распри среди его семьи. Давид никогда не был из тех, кто подходит к вопросам общепринятым образом, поэтому можно только догадываться о том, кого он выберет следующим царём (и выберет ли он вообще: он может этого и не сделать, тогда после его смерти его сыновья будут сражаться за трон).

Один из сыновей решил, что, учитывая тяжёлое состояние здоровья Давида и, неминуемую скорую смерть, вполне логично, что ему, как следующему в очереди с традиционной точки зрения (ссылаясь на право первородства), пришло время заявить о своей готовности принять власть. Этот сын - Адония, сын жены Давида Аггифы, который устраивает грандиозный банкет в честь своей предстоящей коронации, который даже включает жертвоприношения, чтобы придать ему видимость религиозной санкции. Это не мятеж, он не провозгласил себя царём, а скорее претендентом на трон.

Царь Давид стал отшельником, и его главными заботами являются простое повседневное выживание и личные удобства. Он никогда не обращал особого внимания на поступки своих сыновей, многие из которых неисправимы из-за отсутствия родительского руководства и дисциплины. Поэтому Давид лично ничего не знал о стремлении Адонии как можно скорее вступить на престол и объявлении о том, что он станет следующим царём Израиля. Но Нафан, пророк Давида, не мог не заметить публичную демонстрацию Адонии, поскольку это произошло всего в нескольких сотнях метров от стен города Давида.

Видя, как раскрываются намерения Адонии, и зная, что Бог выбрал Соломона преемником Давида, Нафан начинает действовать, чтобы привлечь внимание Давида к этому вопросу, чтобы **Шломо** не остался обделённым. Он привлекает Вирсавию, мать Соломона, чтобы она настояла на том, чтобы Давид сдержал данное ей обещание, что **Шломо** примет власть после смерти Давида. Без сомнения, Нафан был обеспокоен тем, что, если он попытается пойти к Давиду один, царь может заподозрить личную предвзятость в желании видеть Соломона преемником с целью обеспечения исполнения его пророчества. В конце концов, пророк, который ошибался в своих предсказаниях, как правило, быстро терял либо работу, либо жизнь.

Вирсавии чужд образ мыслей Давида (а теперь и печально известное бездействие), поэтому Нафан легко убеждает её обратиться за аудиенцией к её мужу. Нафан дословно говорит ей, что нужно сказать, и разыгрывает надуманную драму, в которой, пока Вирсавия уговаривает Давида возвести Соломона на трон, Нафан просто случайно окажется рядом, чтобы подтвердить её историю. Давайте начнём с этого сегодня.

ПЕРЕЧИТАЙТЕ 3-ю КНИГУ ЦАРСТВ 1-ю ГЛАВУ с 15 стиха до конца главы.

Вирсавия идёт во дворец, и когда она входит в комнату Давида, при нём находится Ависага. Напомню, что Ависага была прекрасной молодой девственницей, которую привели к Давиду, чтобы она служила ему кем-то вроде личной няньки и источником тепла двадцать четыре часа в сутки. Священное Писание недвусмысленно утверждает, что у них не было сексуальных отношений, и она не была новым пополнением в гареме Давида, а откровенные заявления Вирсавии Давиду указывают на то, что присутствие Ависаги не представляло для неё ни тревоги, ни интриги.

Примечательно, что только человек со статусом Вирсавии мог войти в личные покои Давида беспрепятственно (этого не смог бы сделать даже Нафан). Тем не менее, нам даётся представление о протоколе общения между царём и его женой в ту эпоху (даже с женой, стоявшей так высоко среди прочих жён, как Вирсавия). Говорят, что она пала ниц перед Давидом в глубоком почтении, и что Давид ответил ей довольно резко, спросив, чего она хочет. Многие раввины подозревают, что именно готовность Вирсавии склониться перед Давидом дала ему понять, что у неё есть просьба.

В стихе 17 Вирсавия говорит Давиду, что ему нужно помнить, что он обещал ей, что её сын **Шломо** будет следующим царём. Как мы обсуждали в прошлый раз, до этого момента мы не видели в Священном Писании ничего, что прямо говорило бы об этом. Однако в этом и других текстах из 1-й книги Паралипоменон утверждается, что Давид давным-давно остановил свой выбор на Соломоне, это было результатом божественного послания от Бога через Нафана о том, что Господь избрал Соломона. Доводы Вирсавии были очень убедительны, и Давид дал обет назвать **Шломо нагид** (наследником престола), поэтому любому другому сыну было почти невозможно утверждать, что намерения Давида были иными.

Но теперь она ошарашивает Давида тревожной новостью о том, что Адония назвал наследником себя. По сути, он даже был официально коронован и помазан Авиафаром, первосвященником, и верховным главнокомандующим Давида Иоавом. Это означает, что Адония узурпировал власть Давида, не дожидаясь его смерти. Называя имена, Вирсавия раскрывает, кто помогает Адонии (предположительно, как предатели), и путём логики, кто должен быть

на стороне Соломона. Один только список гостей банкета ясно показывает, что это была не обычная вечеринка и она являлась уликой против Адонии, чтобы доказать его бунтарство.

В стихе 20 она умоляет Давида лично публично объявить о том, что Соломон должен стать царём, подразумевая, что единственная причина, по которой Адония заявляет о своих притязаниях, заключается в том, что Давид молчал об этом. Другими словами, в то время как в узком кругу во дворце известно, что следующим царём должен стать Соломон, с политической и популярной точки зрения среди народа Израиля такого предположения не существует. Они либо полностью в неведении, либо сделали вывод, что, согласно традициям, следующий в очереди на трон - Адония. Соломон на самом деле является нелогичным выбором из-за его юного возраста (18 или 19 лет) и печально известных обстоятельств, которые привели к его рождению.

Но реальность такова, что Вирсавия не говорит Давиду правды, потому что Нафан неправильно понял, что сделал Адония, и ошибочно предположил, что он провозгласил себя царём. Вирсавия не лжёт, она просто передаёт неверную информацию, которую получила от Нафана. Как по сигналу, когда Давид встревожен, хотя, без сомнения, настроен несколько скептически (лидеры слышат массу всего, что оказывается неправдивым или односторонним), на сцену выходит Нафан. Как и Вирсавия, собственный пророк Давида поклонился лицом до земли, демонстрируя, что даже высшие должностные лица в администрации Давида должны были демонстрировать абсолютное подчинение всякий раз, когда они появлялись перед ним. Он задаёт Давиду тот же вопрос о праве Соломона на трон, что и Вирсавия, как будто он понятия не имел о том, что Вирсавия только что сделала то же самое. Он сообщает Давиду почти ту же информацию, что и мать Соломона, и даже приукрашивает её, говоря, что на празднике присутствующие приветствовали его и говорили: «Да здравствует царь Адония!». Нафан задаёт вопрос и удивляется тому, что Давид не сообщил Нафану, что принял решение не называть **Шломо** наследником и назначил вместо него Адонию.

Ещё в стихе 21 Вирсавия сказала Давиду, каким будет реальный эффект от того, что он ничего не предпримет по этому поводу: Соломон и Вирсавия не выживут. И причина этого в том, что они будут рассматриваться как **хотэ** (грешники, правонарушители или преступники). В чём было их преступление? Как и во всех ситуациях, связанных с наследованием трона в ту эпоху, тот, кто становился царём, обычно казнил других членов своей семьи, которые могли рассматриваться как угроза его царствованию, независимо от того, является ли эта угроза реальной или воображаемой. И Вирсавия совершенно права, без сомнения, она и **Шломо** были бы убиты, поскольку у Нафана не было бы другого выбора, кроме как осудить воцарение Адонии. Такое осуждение

поляризовало бы израильскую общественность, поэтому наиболее эффективным решением всегда было устранение конкурентов.

Этой неприятной перспективой вкупе со словами Нафана о том, что Адония уже был коронован как царь, было достаточно, чтобы заставить Давида действовать. Сейчас я хочу напомнить вам, что с того момента, как мы услышали о пире Адонии, и до конца этой главы прошло всего несколько часов. Это значит, что медлящий Давид был, по сути, вынужден действовать быстро из-за явной неожиданности и серьёзности вопроса, который, как он, несомненно, также понимал, имел далеко идущие духовные последствия.

По прибытии Нафана Вирсавия ушла, а теперь (стих 28) Давид призывает её снова. Перед ней, Нафаном, Ависагой и, вероятно, некоторыми неназванными членами царского двора Давид приносит клятву, что Соломон будет следующим царём. Наконец-то произнесено давно назревшее официальное заявление, которое положит конец всем спекуляциям. Поскольку клятва - это безотзывное обещание, Давид призывает имя своего Бога Иеговы в качестве гаранта клятвы. Более того, это заявление должно возыметь немедленное действие: Соломон станет царём СЕГОДНЯ. В знак благодарности Вирсавия отвечает: «господин мой царь Давид **хайя олам**». В большинстве переводов эти слова с иврита переводятся как «жить вечно» или что-то подобное, из-за чего это звучит как довольно пустая банальность или лесть. Однако перевод, который лучше передаёт смысл в современных терминах, звучит так: «Да живёт вечно мой господин Давид». Вирсавия не желает Давиду долгой физической жизни, скорее она реагирует на внезапное осознание Давидом того, что оставшееся ему на этой земле время вполне может измеряться только часами. Вирсавия выражает Давиду своё пожелание счастливой загробной жизни. И не должно остаться незамеченным, что речь Нафана и Вирсавии, по-видимому, была призвана заставить Давида перестать отрицать, что смерть стоит у его порога, чтобы он наконец понял, что больше нельзя ждать назначения преемника. Ещё в стихе 21 Вирсавия открыто говорит о скором времени, когда Давид «почиет с отцами». Она откровенно обсуждает с ним смерть, то, что другие, вероятно, не осмелились бы сделать.

Но в этом обсуждении смерти и вечной жизни есть и другой элемент. Бог обещал Давиду, что его династия будет продолжаться бесконечно и что Господь никогда не заменит её другой. Дальнейшее его увековечение продолжится через его сына **Шломо**. Т.е. этими словами Вирсавия подтверждает умирающему Давиду, что то, что он сделал, официально назначив Соломона царём (в соответствии с Божьей волей), заключается в том, чтобы обеспечить его собственную непрерывную загробную жизнь и вечное продолжение его династии. Потому что в Израиле, как и везде, всё ещё верили, что жизненная сущность мужчины продолжает жить в его сыне. В случае

Давида его царствование также продолжалось в его сыне **Шломо** (и в его сыновьях после него), и, следовательно, можно сказать в очень реальном и осязаемом смысле, что Давид будет царём вечно. Это было сказано, как утешение для Давида, а не как красивые, но праздные слова.

Эти разговоры сработали, потому что в порыве эмоций, ощущая срочность, которой не наблюдалось в течение некоторого времени, Давид выдаёт шквал инструкций Садоку (другому первосвященнику), Нафану и Ванее, начальнику телохранителей Давида, приказав взять членов царского двора Давида, посадить **Шломо** на личного мула Давида, а затем поспешно проследовать к источнику Гион. У источника Гион Соломон должен быть помазан на царство Израиля. Такая церемония должна проходить у проточной воды, потому что в дополнение к умащению оливковым маслом необходимо совершить омовение кандидата. Все без исключения церемонии очищения, предписанные в Торе, требовали **маййим хайм** (живой воды). Живая вода означает проточную воду, текущую воду. Т.е. это не может быть вода, взятая из колодца или стоячего пруда. Предпочтительна речная вода, если её нет, то подойдёт артезианский источник. Озеро может подойти только при условии, что оно проточное (как в случае с Галилейским морем). Поскольку они находились в Иерусалиме, поблизости было только два источника воды, которые могли считаться живой водой: источник Гион в восточной части города и источник в Рогеле, расположенный в южной части города Давида сразу за стенами.

Использование Гиона для коронации Соломона вместо Рогеля очевидно. Раввины говорят, что церемонии Адонии и Соломона происходили в одно и то же время. Эти пиры, как правило, длились по крайней мере целый день, иногда больше. При использовании источника Гион, двум сторонам не пришлось вступать в конфронтацию друг с другом, однако новость быстро распространилась среди собрания Адонии.

Адония, возможно, произвёл сильное впечатление, использовав царскую колесницу, впереди которой бежали 50 человек, а также устроив роскошный церемониальный пир с участием правительственных сановников. И хотя это было провокацией, это не было ни мятежом, ни официальным провозглашением царствования. Но никому, кроме самого царя, не разрешалось ездить на личном муле царя. Поэтому, когда местные горожане увидели Соломона верхом на муле Давида, это стало неоспоримым доказательством того, что он стал официальным царём Израиля. Затем должен был прозвучать **шофár** (это был способ предупредить всех, кто находился на расстоянии слышимости), и царский двор должен был начать скандировать «Да здравствует царь Соломон». Местные жители должны были подхватить песнопение в радостном одобрении.

Садок взял с собой специальный рог с оливковым маслом из шатра, где находился ковчег завета (это была не та скиния, которая давным-давно пришла в упадок). Это было особое освящённое оливковое масло, приготовленное по рецептуре, предписанной в 30 главе книги Исход. Именно это святое оливковое масло использовалось для помазания Соломона. То, что церемонию совершил Садок, имеет большое значение, потому что из двух первосвященников, которые служили Давиду в то время (Авиафар и Садок), только Садок был уполномоченным Торой первосвященником, потому что только он был надлежащего происхождения. Таким образом, из-за того, что помазание совершал Садок, будущие поколения не могли оспаривать действительность церемонии.

Ванея (возможно, самый мужественный и верный последователь Давида) поддерживает Соломона, публично провозглашая: **«аминь, — да скажет так Господь Бог господина моего царя!»**. Аминь означает «да будет так». То есть Ванея говорит: «Я подтверждаю это» и «Я надеюсь, что Иегова также подтверждает это». Простое присутствие Нафана также является подтверждением. И поэтому повсюду немедленно разразились демонстрации радости, и на флейтах, барабанах и всевозможных инструментах заиграли так, что, казалось, задрожала сама земля.

После этой публичной демонстрации свита должна была немедленно вернуться во дворец, где Соломон воссядет на царский трон. С этого момента Соломон является царём Израиля. Технически Давид больше не царь, но до тех пор, пока он жив, Давид является царём-отцом и сохраняет своего рода символическое старшинство. **Шломо** не будет полностью свободен от высшей власти Давида до тех пор, пока Давид не умрёт. Но во фразе, которая мелькает в тексте, содержатся некоторые важные слова: **Шломо** будет царём над Иудеей и Израилем. То есть Соломон, как и Давид, должен править всеми 12 коленами. Это не было автоматической функцией или само собой разумеющимся, и поэтому нуждалось в разъяснении. Было вполне в пределах компетенции Давида (и с земной точки зрения, возможно, мудрый поступок) - поставить Соломона царём над Иудеей, а Адонию - царём над северными коленами Израиля. Во-первых, это означало бы, что один сын не почувствовал бы необходимости убивать другого. Во-вторых, это был бы лёгкий способ заставить Давида сдержать своё слово, данное Вирсавии, и в то же время подтвердить обычай, согласно которому престол унаследует старший из ныне живущих сыновей. И, наконец, обе политические фракции (те, кто поддерживал **Шломо**, и те, кто поддерживал Адонию) были бы одинаково удовлетворены (или недовольны, в зависимости от того, как на это посмотреть). Обратите внимание, что разделение колен на две давние коалиции (одна называлась Иудея, а другая Израиль) всё ещё было живо в еврейском мышлении времён Давида, хотя в национальном смысле

действительно существовала единая суверенная нация Израиль, которая включала все северные и южные племенные территории.

Давайте не будем забывать, что во время коронации Соломона Адония всё ещё веселился в нескольких сотнях метров вниз по склону. Станные крики и нарастающий шум из города наверху донеслись до Адонии и его гостей. Иоав, главный генерал Давида, всегда бывший начеку, услышал звук **шофа́ра** и вслух поинтересовался, что происходит. И в тот самый момент, когда этот вопрос слетел с его губ, прибыл сын первосвященника Авиафара с новостями. Адония, без сомнения, вдоволь напившийся прекрасного вина, приветствовал нового гостя и подумал, что, поскольку это хороший молодой человек, что ещё он может принести с собой, кроме хороших вестей?

В 43-м стихе описан неожиданный поворот. Можно только представить внезапную тишину и побледневшие лица тех, кто всего несколько мгновений назад вёл легкомысленные разговоры, раздумываясь от вина, и праздновал с Адонией. **«Господин наш царь Давид поставил Соломона царём»**, - сказал Ионафан. Чтобы было ясно, что это не было похоже на то, что происходило с Адонией, Ионафан объясняет, что присутствовали Садок, Нафан и Ванея и что Соломон действительно был помазан. И к моменту, когда он им это рассказывает, жители города присоединились к празднованию, а Соломон сидит на троне Давида. Всё закончилось в одно мгновение, и надежды Адонии рухнули. Но что ещё хуже, теперь он был не на той стороне власти. На самом деле все там были не на стороне законной власти. Единственный вопрос, который имел значение на данный момент, заключался в том, кто умрёт, а кого пощадят.

Никогда не остывающий до тёплого состояния Давид пал ниц на своём ложе перед своим Богом и поблагодарил Иегову за то, что Он перед смертью позволил ему увидеть Соломона, сидящего на троне. Нам здесь нужно увидеть, что всего несколькими часами ранее Давид был вполне удовлетворён тем, что позволил событиям идти своим чередом после его смерти и позволил своим сыновьям бороться за трон. Давид в своей эгоцентричности и немощи решил не называть преемника. Только драматическое вмешательство Нафана и Вирсавии остановило его от совершения ещё одного отвратительного поступка, который наверняка привёл бы к кровавой гражданской войне.

И всё же Давид собрал те немногие оставшиеся силы и использовал их, чтобы склониться перед Богом, даже будучи прикованным к собственной постели. Он признал, что Божья воля была исполнена, даже если он не стремился её исполнять. Другая вещь, которую мы видим здесь, заключается в том, что, хотя некоторые учителя Библии и проповедники используют коронацию Соломона, чтобы провести параллель с Иаковом и его любимым сыном Иосифом, я должен был бы сказать, что эти две ситуации совершенно не

похожи. Мы действительно находим в Давиде очень мало рвения выбрать Соломона. Кажется, нет ничего, что могло бы сделать Соломона явным фаворитом в глазах Давида. Нет ничего, что указывало бы на то, что Адония был плохим человеком или что Давид смотрел на него с подозрением. Скорее, дело в том, что как отец Давид не мог заставить себя поддержать одного сына вместо другого или разочаровать одного сына в пользу другого, но Вирсавия и Нафан напомнили Давиду, что **Шломо** был избран Богом, точно так же, как когда-то Давид был наименее вероятным кандидатом на трон среди домочадцев Иессея, но это действительно был Божий выбор.

Это урок, который мы все должны принять как последователи Мессии (и даже крайне несовершенный Давид продемонстрировал это здесь). Бывают моменты, когда выбор делается за нас на небесах, и наша единственная подходящая реакция - это склониться перед Богом в покорности. Я не знаю, как по-другому семья, потерявшая любимого ребенка и находящаяся в глубоком трауре, может воспевать Божью святость, кроме как смиренно подчиняясь Божьему суверенитету и доверяя Ему. Я не знаю, как принять разрушительную болезнь супруга, с которым вместе прожили плодотворную жизнь для Господа, кроме как пасть ниц перед Отцом и поклоняться Ему, независимо от того, что могут подсказать нам сделать наши эмоции. Чувствовал он так на самом деле или нет, но Давид сделал то, чего на самом деле не хотел делать (зная, что такова Божья воля), и он решил рассматривать всё это как благословение.

Внизу же, в долине, гости Адонии в панике разбегались, узнав о коронации **Шломо** и оставили Адонию одного размышлять о том, что это означает для него. Они в честолюбивом стремлении сделали ставку не на того человека и больше не хотели с ним ассоциироваться (это больше характеризует их, чем Адонию). В стихе 50 говорится, что Адония видел только одну надежду на выживание: он подбежал к алтарю и схватился за его рога. Он увидел, что это место убежища, и даже не потрудился пойти к своему отцу Давиду, чтобы обсудить этот вопрос и попросить прощения. Опять же, Адония НЕ взбунтовался. Он НЕ объявлял себя царём, он не пытался узурпировать власть Давида, он просто предполагал, что как следующий в очереди (учитывая, что Давид находится на пороге смерти) он вскоре будет коронован. Его преступление состояло в том, что он был соперником своего брата **Шломо**, не более того.

На алтаре было четыре выступа, по одному в каждом углу, называемые рогами. Среди учёных существуют некоторые незначительные разногласия по поводу того, к какому именно алтарю побежал Адония, но для меня ответ очевиден. Некоторые учёные, такие как великий Раши, указывают, что народный алтарь всё ещё находился в своего рода скинии, которая находилась

в Гаваоне, и поэтому он бежал туда. Но в этом нет никакого смысла. Потому что прямо там, в Иерусалиме, был алтарь, и нет никаких свидетельств того, что в те дни кто-либо считал один алтарь более важным, чем другой. На самом деле из Священного Писания и археологических находок мы знаем, что после разрушения скинии в пустыне в Силоме много лет назад повсюду по всей земле появились частные алтари, и почти у всех были рога по углам. Адония просто бросился к ближайшему алтарю там, в Иерусалиме, и вцепился в него изо всех сил, надеясь, что его будут чтить как место убежища. Я подозреваю, что это был алтарь, который Давид построил на гумне Орны на вершине горы Мориа. Конечно, вопрос о том, как долго он надеялся там простоять, остаётся спорным.

Тем не менее, характер концепции убежища был очень силен в ближневосточной культуре в те дни, тем более, когда оно находилось в пределах священной зоны такого священного места, как алтарь. Хотя алтарь конкретно не указан в качестве официального места убежища в законе Торы, в книге Исход мы читаем это:

Исход 21:14: «а если кто с намерением умертвит ближнего коварно [и прибежит к жертвеннику], то и от жертвенника Моего бери его на смерть».

Обычно считается, что смысл этого текста заключается в том, что единственная законная причина, по которой человека можно насильно забрать из убежища алтаря, если этот человек совершил преднамеренное убийство. Конечно же Адония не сделал ничего такого, что можно было бы квалифицировать по закону Торы как преступление, не говоря уже об убийстве. Соломону стало известно, что Адония скрывается у жертвенника и отказывается уходить, пока ему не будет даровано помилование. Без сомнения, первой задачей Соломона было разобраться со своим соперником Адонией любыми средствами, которые диктовала ситуация. Но в молитве Адония признал, что Соломон царь, а он слуга Соломона, и попросил прощения у своего господина, поэтому его намерение признать власть **Шломо** и подчиниться ей было очевидным.

Царь **Шломо** в ответ назначил Адонии испытательный срок. Условия заключались в том, что до тех пор, пока он остаётся лояльным, ему не причинят никакого вреда. Когда Адония получил известие об этом условном помиловании, он пришёл во дворец, низко поклонился Соломону и представился, без сомнения, собираясь стать его слугой. Однако Шломо удивил его, отправив домой и не подвергнув унижению.

Этот аспект истории прихода Соломона к власти был записан не только для того, чтобы мы могли узнать характер соперника **Шломо**, но и для того, чтобы

увидеть, что первым поступком нового царя Израиля было милосердие, а не возмездие, акт освобождения, а не осуждения. Мы увидим, как другой царь из династии Давида сделает то же самое столетия спустя, но в гораздо более грандиозном масштабе:

Иоанна 3:17: «Так как Бог послал Сына в мир не судить мир, но чтобы через него мир спасся».

Мы начнём изучать 2 главу на следующем уроке.